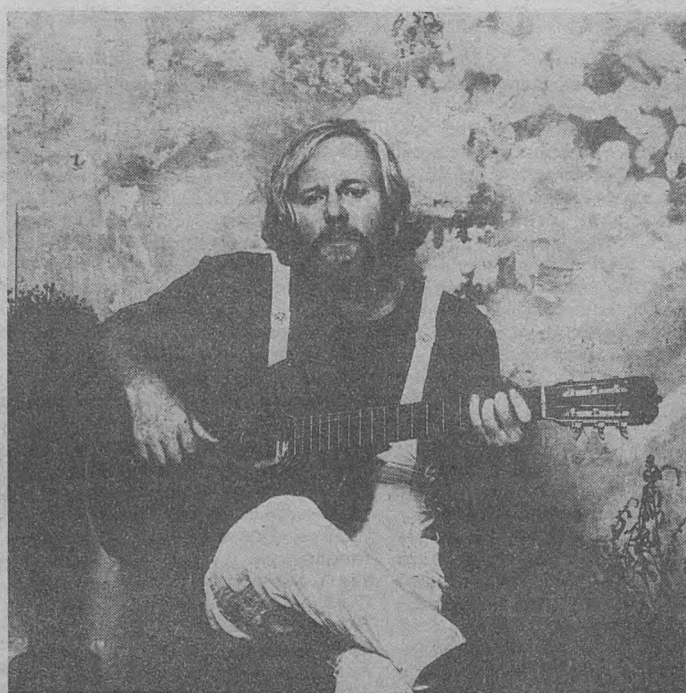


Александра Дольского я спрашивала после концерта, состоявшегося совсем недавно во Дворце культуры МГУ на Ленинских горах. А перед концертом расспрашивала зрителей, однокурсников своей дочери: знакомы ли они с творчеством артиста? «Нет, — был ответ. — Вот пришли, будем знать». Из авторов-исполнителей студенты вообще смогли назвать только два-три имени, да и то — уже ушедших: Галича, Высоцкого, Визбора...

И заранее беспокоясь: как оно все сложится, уселась я в кресло, выискивая взглядом зрителей своего возраста и даже еще постарше, — уж мы-то знаем, на чей концерт пришли! Но молодых лиц было больше, много больше...

Вышел Дольский. Взял первый аккорд. Спел «Балладу об упавшей звезде» — в ней загадывают желания, самые простые, самые заветные... «и хочу, чтоб не болела мать...». Зал затих и затаился. И потом —



по своей глупости играем ей на руку.

— А вы своим творчеством можете что-то изменить?

— По большому счету — нет, но микроскопически — наверное. На моих концертах создается доброе поле, я стараюсь сделать «гуманный вечер», чтобы публика отдыхала.

Я выступал в Америке и Израиле, там была русскоязычная публика. В Германии был «их» зритель, но они очень серьезно подошли к этому, заранее сделали переводы. Там же, в Германии, возникла идея опеки: я даю благотворительный концерт, а деньги переводят в Россию в детское учреждение, которое я называю. Так и сделали. Я опекаю детскую туберкулезную больницу в Санкт-Петербурге. Вот из Германии привез для них еду, подарки, аппаратуру. А знаменитый производитель детского питания Клаус Хип присылает теперь в больницу свою продукцию.

Александр Дольский

Культура. — 1994. — 29 окт. — С. 5.

НА МОИХ КОНЦЕРТАХ НЕТ СЛУЧАЙНЫХ ЛЮДЕЙ

от песни к песне, «прославляя» их то шуткой, то воспоминанием сугубо лирическим, исполнитель своих слушателей вел за собой, мгновенно менял их настроение, то есть, что называется, «держал зал». Я уж не говорю о виртуозном владении гитарой, неотъемлемом свойстве Дольского-музыканта.

— Гитару я взял в руки очень рано. Гитаристом хотел быть всегда. Еще учась в школе, выступал на профессиональной сцене, однако, понимая, что музыкант это что-то для души, поступил на строительный в Уральский политехнический институт. Технические науки ничего во мне не убили, только расширили мой кругозор. Кстати, многие артисты имеют первоначально техническое образование.

...После окончания института Дольский даже поступил в аспирантуру. И решился совсем «уйти в артисты» лишь тогда, когда был уже широко известен, ездил на гастроли по всей стране, писал музыку к кинофильмам, стал лауреатом VI Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Работал у А. Райкина в Театре миниатюр. А потом — песни, песни, песни...

И осталось две полочки
до метели
И ни одной любви
до Рождества.

— Что нужно, чтобы написать такие строчки?

— Свободное время и здоровье. Обычно я пишу ночью. Или на гастролях, один в номере. Для стихов все же нужна тишина, а вот когда сочиняю музыку, тут хоть сколько народу вокруг меня ни ходи, мне это не мешает.

— Что изменилось с годами в вашем творчестве?

— Оно стало сложнее. Много из того, что написал в последнее время, в концертах не исполняю. Эти песни трудно усваиваются потому, что в них отражаются мой опыт, взгляды на жизнь, религию, людей, на себя самого. С годами это все усложняется.

— Вам важен успех?

— Он же у меня не такой, как у Майкла Джексона (чтоб на улицу нельзя было выйти). Но успех необходим, это оценка твоего творчества. И меня устраивает такой, какой есть. Я знаю, что на моих концертах мало случайных людей, в основном публика интеллигентная, интересующаяся искусством.

— Исполнители авторской песни обычно появляются в джинсах, ковбойке, с гитарой наперевес. Вы же всегда в костюме, рубашке, при галстуке. Это стиль?

— Это — уважение к публике. Мои родители занимались высоким искусством. Мама — балерина, папа — оперный певец. С детства я в театре видел, как они относились к зрителям. А меня за мой приличный вид коллеги по цеху недолюбливали, но я меняться не собираюсь.

— Вас сформировали шестидесятые годы? Те самые, то превозносимые, то презируемые за наивность?

— А что плохого в наивности? Это ведь сама искренность. Я все же склонен думать, что эти годы нас очень закалили. Мы научились жить в этой несвободе и быть свободными. У всех этих высококолых критиков нет мало-мальского желания что-либо понять, разобраться в чем-то. Обругать проще, мозги напрягать не надо.

— А правда, что за дружбу

с Галичем «органы» не отставали от вас даже тогда, когда его уже и в стране-то не было?

— Правда. Мы познакомились с ним в 1968 году на фестивале в Новосибирске, через два года он приехал ко мне. Естественно, мы ходили по гостям. И меня стали таскать. Помню, первый раз меня привели в помещение, где (они этим очень гордились) допрашивали летчика Пауэрса. Меня вызывали часто. Стукачи все время под окнами ползали. Один даже у меня в доме жил. Так, наверное, удобнее было отчеты строчить. Как-то меня вызвали и стали спрашивать, что привез один наш певец из-за границы. Я им объяснил, что года два его в глаза не видел, но они все равно хотели, чтобы я им что-нибудь сказал, а что — я так и не понял.

Такая была жизнь. А сейчас... Я человек темпераментный, но я знаю, что бунт ни к чему хорошему не приведет, решать все нужно разумно.

Так много злости и отравы
Я через сердце пропустил,
Что быть жестоким
и неправым
Нет ни желания, ни сил.

Народ наш выглядит не лучшим образом. Он жесток. Могут убить ни за что. Нищих много, и как бы там ни говорили, что они все — подпольные богачи, мне кажется, что человек идет с протянутой рукой не от хорошей жизни.

Я в детстве думал, что человечество создано по разумным меркам, с годами понял: главенствует глупость, а сейчас еще и безнаказанность. Мне даже иногда кажется, что кто-то там, наверху, какая-то другая цивилизация поставила над нами эксперимент и теперь изучает наше поведение, а мы

...Однажды, давным-давно, Александр пришел на концерт. На гастроли в Свердловск из Ленинграда приехал ансамбль, исполняющий его песни. Автора пригласили послушать. Что и как они пели, он плохо помнит: как увидел на сцене тоненькую, очаровательную скрипачку, понял, что тонет «в государстве синих глаз». Познакомились, перезванивались, а через полгода Надя стала его женой.

В семье три сына. Старший поступил в медицинскую академию, средний учится в художественном училище, младший — в музыкальном.

— Из вашей песни, Александр: «Как хочется, пока живешь на свете, быть добрым сыном, правильным отцом... не приставать с наукой и советом и научиться жить в конце концов». Вы научились жить?

— Я научился терпению и терпимости. То, что в молодости считал недостатками людей, сейчас считаю их бедой или горем. Я радуюсь, что свободен, что за мной перестали следить. Младший сын в сочинении написал: «Мой папа смешной и веселый человек». Я стараюсь жить весело. Я ничего не могу изменить, могу быть только честным и порядочным человеком.

Я хочу любить и быть любимым,
Я хочу, чтоб не болела мать,
Чтоб на нашей горестной планете
Только звезды падали с небес,
Были все доверчивы, как дети,
И любили дождь, цветы и лес.

Татьяна ПЕТРЕНКО.
● Александр Дольский.
Фото Валерия Плотникова.